

Моя подруга Ди не любила мою маму, говорила, что мама слишком властная.

Возможно, это правда.

Мама - ответственная женщина. Она не позволяет решениям повиснуть в воздухе. Она говорит другим, чего она хочет, и у нее есть голос - песочный и звонкий, - который перекрывает голоса всех остальных. Она достаточно решительна, чтобы другие согласились с ней.

Ди - одна из тех девочек, которые, как и мама, точно знают, чего хотят, но Ди должна быть вежливой. Она не будет выходить и требовать, как мама. Ди соглашается с другими людьми, но потом ей становится горько от этого. Это раздражает.

Мама - это сила. Она высокого роста, около пяти футов восьми дюймов, но кажется выше. Однажды утром, когда мне было четырнадцать лет, мама сказала мне, что я стала выше ее. Я не верила в это до того вечера, когда ее парень подтвердил это, когда мы с мамой стояли спина к спине. Но, даже зная, что я выше, я все равно чувствовала, что всегда смотрю на нее сверху. Я думаю, многие люди чувствовали себя так же. Эта женщина командовала. Каждый из ее парней на протяжении многих лет - все они были достаточно долговечны, чтобы я могла с ними познакомиться - были для нее податливыми.

Я помню, как сидела в семейной комнате с Питом - ее самым давним и нынешним парнем - когда я была еще в средней школе. Мама была наверху и готовилась. Пит - он не жаловался - рассказывал мне о том, что мама почти всегда решала, что делать, когда они куда-то шли вместе.

"Я думаю, она спрашивает меня, чтобы ей было с чем сравнивать свои идеи, понимаешь?" - сказал Пит. сказал Пит.

"Да?"

Он кивнул. "Ей нужно подтвердить свои собственные планы. Ей нужна моя идея, чтобы убедиться, что ее идея лучше, чтобы она могла что-то отбросить".

Услышав, как он говорит об этом, я сразу же понял, что Пит был прав. В моей голове промелькнуло бесчисленное количество случаев, когда мама спрашивала, что я думаю, обдумывала это на мгновение, а затем быстро отбрасывала идею. У меня всегда было ощущение, что она уже знает, что собирается делать.

Но она не планировала меня. Мама родила меня, когда ей было двадцать лет. Я никогда не знала своего отца. Мама говорила: "Поверь мне, ты будешь разочарована, дорогая". Я предполагаю, что я - результат какой-то связи на одну ночь, возможно, пьяной, с кем-то, кого в трезвом состоянии она считала неудачником.

Сразу после окончания школы мама сказала мне, что она была танцовщицей. Я часто спрашивала ее об этом. Она всегда отвечала туманно, кроме того, что бросила танцы из-за меня. К пятнадцати годам я перестала спрашивать, потому что думала, что догадалась о ее танцах.

Она никогда не признавалась в этом, и я никогда не спрашивал, но у меня была довольно хорошая идея, что она была стриптизершей. У меня не было никаких веских доказательств,

только предположения. Для начала, выпускница средней школы без профессиональной танцевальной подготовки, вероятно, не может попасть в балет Бойса. Кроме того, у меня было одно воспоминание, когда мне было шесть или семь лет.

Мы с мамой играли в прятки в доме. Настала моя очередь прятаться, и я побежала наверх в ее спальню. У ее шкафа были две двойные раздвижные двери на противоположных сторонах задней стены. Между дверями стоял мамин комод. Я зашла в один из шкафов, захлопнув за собой дверь.

Я и раньше заглядывала в ее шкаф, но никогда не знала, что внутри есть пространство между двумя дверцами. Поэтому я пролезла под висящей одеждой и спряталась в средней части, по другую сторону стены напротив маминого комода.

В какой-то момент вошла мама. Она открыла обе двери, не увидела меня и ушла искать меня в другом месте дома.

Когда она открыла дверь, в комнату проник свет. Мое внимание привлекло отражение. Когда мама ушла и выключила отопление, я подошла и потрогала то, что увидела. На ощупь это было похоже на бисер или кристаллы. Я отползла в сторону, открыла дверь и вернулась обратно.

Там было, наверное, пятнадцать вешалок с очень странной одеждой. Я сняла с крючка самую интересную, совершенно забыв о прятках. Я положила ее на мамину кровать, пораженная.

Я не очень понимал, на что смотрю, кроме того, что это была одежда - женская одежда. Там было две вешалки, соединенные между собой, одна свисала с другой. На верхней вешалке висел лифчик, подумала я. А может быть, купальник, подумал мой маленький детский ум. В любом случае, он был сделан полностью из бриллиантов или кристаллов. На нижней части висели подходящие нижние части. Даже на мой неопытный взгляд они казались невероятно облегающими.

Там были и другие странные наряды, и пока я доставала бриллиантовый наряд, я заметила на полке сверху несколько разноцветных париков. Но это не имело значения. Я была заворожена сверкающим ансамблем, лежащим передо мной. Я провела пальцем по усыпанным драгоценностями камням.

Мама вошла в комнату, когда я держала бюстгальтер в руках, и погладила его по щеке.

Она вскрикнула, и я отпрыгнула назад. Она подбежала ко мне, бросила наряд обратно в шкаф и захлопнула дверцу шкафа. Я начала плакать, и весь гнев, который она испытывала, растворился.

К тому времени, когда я набралась смелости вернуться и посмотреть на эти вещи - может быть, несколько месяцев спустя, - они все исчезли.

Когда мне было пятнадцать лет, что-то вызвало это воспоминание. Я не могу вспомнить, что это было. Неважно. Я знала достаточно, чтобы понять, что эта одежда не была сексуальным нарядом, который женщина надевает для своего любовника в уединении спальни. Это было что-то другое, что-то, что нужно было надеть на какое-то мероприятие, и я думала, что знаю, какое.

Я заблокировала это в своем сознании и никогда не спрашивала.

Смушающая вера в то, что мама была стриптизершей, подкреплялась еще и тем фактом, что

мои друзья на протяжении всей средней и старшей школы сюсюкали со мной по поводу ее тела и внешности. Я не могла отделить себя от того факта, что она была моей мамой, поэтому я никогда не воспринимала это так, как они.

С моей точки зрения, она просто заботилась о себе. Ее белокурые волосы были густыми и пышными. Она почти всегда заплетала их в пучок или длинный конский хвост. Ее кожа хорошо загорела. Она занималась спортом. Ее гладкие ноги имели женственные линии мышц, которые пульсировали при ходьбе. Ее грудь была не безумной, но большой - она смущала меня до чертиков, когда надевала что-нибудь с низким вырезом.

Она была красивой женщиной. Я мог понять, как люди могут так думать. Ее улыбка заставляла меня хотеть, чтобы она была счастлива и смеялась. Ее глаза, темно-карие, как кофе, выражали тепло и привязанность. У нее была удивительно длинная шея, благодаря которой она казалась бодрой и воодушевленной. Ее осанка всегда была очень правильной, почти царственной.

Это была еще одна вещь, на которую Ди иногда жаловалась, - насколько правильной была моя мама. Она никогда не ругалась. Она никогда не выходила из дома, не накрасившись и не одевшись идеально для любого случая. Ужин дома редко бывал неформальным и почти всегда проходил в столовой. Я помню, как мы ужинали у друзей и были шокированы, увидев включенный телевизор. Мама никогда бы такого не допустила.

Манеры были еще одной важной вещью для мамы. В детстве у нас постоянно были уроки. Когда я жаловался, мама всегда отвечала: "В тюрьме ты не найдешь много мальчиков с хорошими манерами". Тебе это о чем-нибудь говорит, милый?"

Мне всегда было интересно, какой была моя мама в те времена, до моего рождения. Как эта официальная, безупречно воспитанная леди могла стать стриптизершей?

У меня не было ни малейшего понятия.

Все, что я понимала, это то, что моя мама знала, чего она хочет, она не стеснялась говорить об этом людям, и она была достаточно сильной и красивой, чтобы почти всегда получать это.

Поэтому я не удивилась, когда после работы административным помощником у адвоката она решила поступить в вечернюю школу, чтобы получить диплом. Затем она закончила юридическую школу. Затем она работала на судью. Затем она стала арбитром - что, по сути, является судьей, но для посредничества, а не для уголовных или гражданских процессов.

Итак, мама правила. В буквальном смысле.

И ее профессия была правильной, как и она сама.

Она не курила и не напивалась все время. У нее вообще не было пороков, кроме одного: пятницы.

Мама любила пятницы. Как только она смогла составить свой график, она ушла с работы по пятницам. С годами пятницы стали для нее своего рода ритуалом. Проснувшись, она пила кофе и читала новости. Затем она шла в спортзал и занималась несколько часов - я имею в виду часа три, не меньше. Придя домой, она принимала душ, пока не заканчивалась горячая вода, а затем, свернувшись калачиком, ложилась в постель и включала HGTV. Она смотрела свои любимые передачи, читала книгу или дремала до вечера.

Но в ее пятничном ритуале был один странный аспект: она не ела весь день.

Это правда. Она постилась по пятницам. Конечно, она пила кофе и воду, но не ела, до самого ужина. И, о черт, какой у нее был ужин.

Вечер пятницы часто был для нее вечером свидания, но в тех редких случаях, когда это было не так, я видел, как она ела.

Блядь.

Мы говорим о стейках из портерхауса с печеным картофелем. Мы говорим о похлебке из моллюсков, омарах и чизкейке на десерт. Мы говорим о полной порции ребрышек барбекю с капустным салатом и сладким картофелем фри, дополненным ореховым пирогом. Она расслабилась.

Наступила суббота, и она выпалась. Все вернулось на круги своя.

Я знал, что нельзя портить мамин пятница.

На втором курсе колледжа я провела пятницу с ней.

Это не было запланировано. Я даже не осознавал этого, пока все не сложилось так, как сложилось.

Я училась в Бойсе Стейт, жила дома с мамой. У меня были занятия по пятницам, но когда наступило время выпускных экзаменов, оказалось, что последний из них был в четверг.

Итак, была середина декабря, и в пятницу мне было нечего делать дома.

Я планировала просто расслабиться, но мама была полна энергии.

"Пойдем со мной в спортзал", - сказала она, наполовину предлагая, наполовину требуя. Она сделала глоток кофе, другой рукой держа за утреннюю газету и ожидая, когда я соглашусь с ее планом.

"Ты хочешь, чтобы я согласилась?"

"Это будет весело".

"Хорошо".

Незадолго до 9:00 утра мы выехали вместе на ее черном Four-Runner. Я забыл свой мобильный телефон.

Я был выбит из привычной колеи. Во время учебного года я всегда брал телефон с тумбочки, когда спускался вниз. Я брал поп и батончик мюсли, а затем шел в школу.

В то утро все было по-другому: я взяла телефон и спустилась вниз, но я не была одета и готова идти. Когда я вернулась наверх, чтобы переодеться в тренировочную форму, я забыла телефон на кухне. Я не подумала взять его, когда выходила за дверь.